

### 3. Паперный

#### «Всякому человеку вообще»

<...>

1894 году писатель публикует рассказ «Студент», о котором потом скажет, что это самое любимое его произведение.

Действительность предстает тут в двух обличьях. Сначала — весна, по-зимнему холодная, настолько, что, кажется, «самой природе жутко». Герой рассказа студент Иван Великопольский думает о том, что «такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета, — все эти ужасы были, есть и будут». Затем — встреча студента с двумя простыми женщинами — Василисой и Лукерьей. Студент рассказывает им легенду о Христе, она трогает женщин. Их душевная отзывчивость радует студента, и он, стряхнув тоску и отчаяние, думает о том, что «правда и красота <...> всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Можно ли назвать рассказ «Студент» романтическим? Вернее было бы сказать — он почти романтичен. В этом «почти», может быть, вся суть чеховского подхода к изображению человека. В «Студенте» главное даже не в рассказе героя, а в том впечатлении, какое он произвел на героиню. Приглядимся к ним поближе. Василиса — высокая, пухлая старуха в мужском полушубке. Она служила у господ в мамках, а потом в няньках; «выражалась деликатно, и с лица ее все время не сходила мягкая, степенная улыбка».

Эта улыбка не оживляет образ героини, а, скорее, наоборот, «одеревянивает». В ней, в этой улыбке, вся забитость Василисы, убежденной, наверно, что она — ничто, а господа — всё, что она призвана лишь к тому, чтобы господам служить, услуживать, быть приветливой. Улыбка не личности, а скорее, самой обезличенности.

Ее дочь Лукерья — «деревенская баба, забитая мужем». Она «только шурилась на студента и молчала, и выражение у нее было странное, как у глухонемой».

Как же происходит пробуждение этих двух несчастных, невежественных, забитых жизнью существ? И происходит ли оно?

После того как студент кончил свой рассказ о судьбе Иисуса, о горестных рыданиях Петра в тихом, темном саду, он вздохнул и задумался. «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы крупные, изобильные потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль».

Вот что значит быть верным двум «бесконечностям» — вере в человека и правде о нем, какой бы жестокой она ни была: это значит так говорить о его возможности «стать лучше», чтобы показывать, «каков он есть». Василиса всхлипывает, плачет, «*продолжая улыбаться*». В этих двух словах, может быть, суть чеховского подхода к человеку. Что-то новое, неизведанное толкнулось в душу героини, но ей еще далеко до полного пробуждения, тем более обновления. Она остается собой, с этой несчастной, нелепой, как будто приклеенной к лицу улыбкой. И в то же время она уже не равна себе прежней. Ее дочь Лукерья, забитая до того, что кажется глухонемой, даже не плачет, она только испытывает непонятную боль; и так много говорит нам ее «тяжелое, напряженное» выражение и «неподвижный» взгляд. В этот момент она не перестает быть «глухонемой», ей не дано не только заговорить, но, может быть, даже мысленно выразить то, что она ощущает. Однако мы чувствуем, что душа героини не осталась бесчувственно безразличной, не окончательно замордована она мужем, нищетой, жизнью.

Утверждая веру в человека, Чехов не отрывается от правды жизни. Не заставляет преобразиться ни природу, ни своих персонажей. Тьма остается тьмой, а Василиса и

---

Лукерья — Василисой и Лукерьей, Но взгляд на эту тьму и на этих женщин изменился.  
Вера не отрывается от правды — она слита с ней.

<...>